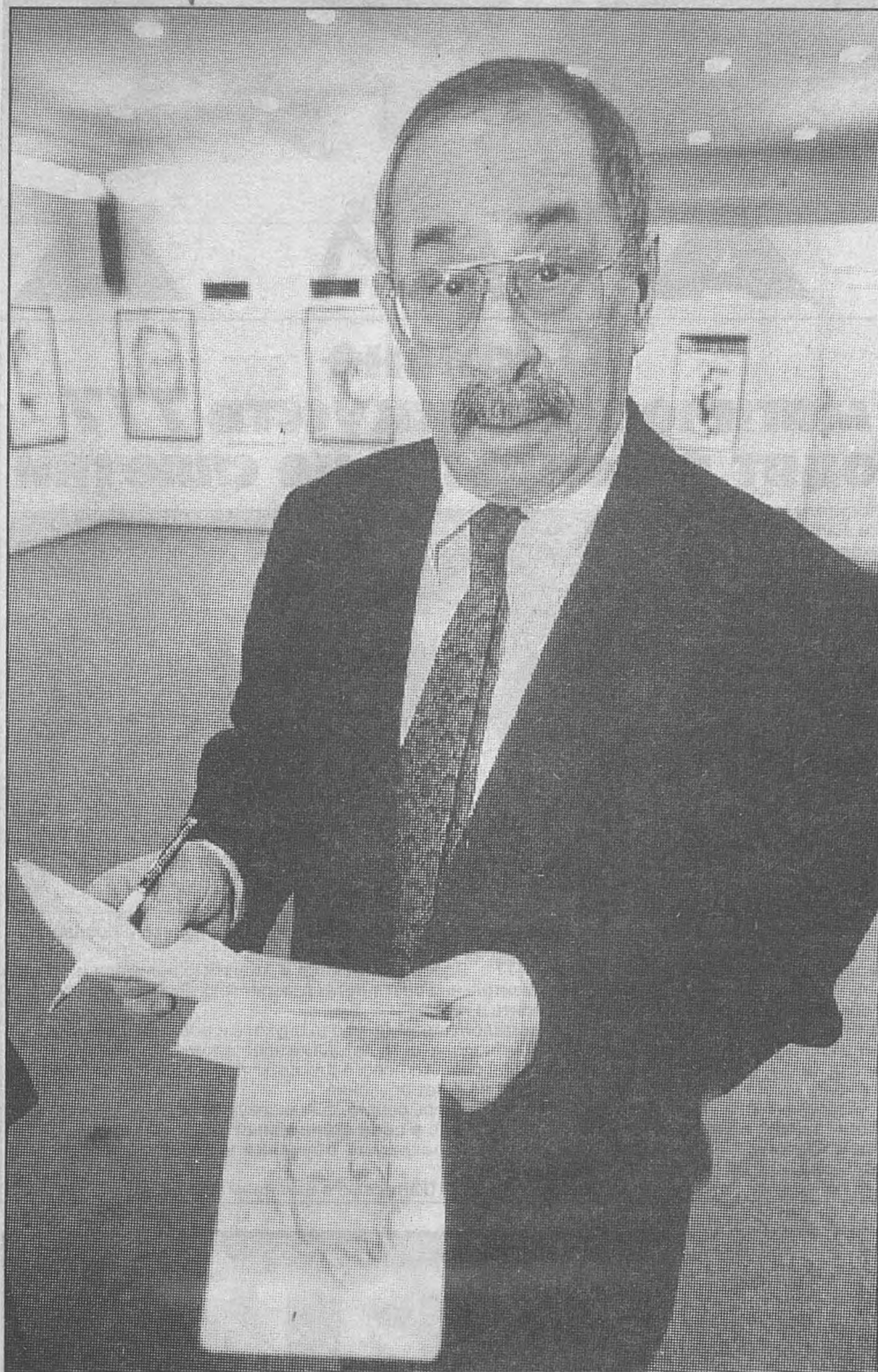

Как-то поэт Борис Слуцкий сказал художнику Борису Жутовскому: "Боба, отчего вы своих современников не рисуете? Время надо собирать".

Художник послушал поэта, и в эпоху безвременья стал работать для этого Времени. Один за другим появлялись портреты знаменитых писателей, артистов, ученых, общественных деятелей — Галич, Сахаров, Окуджава, Хрущев, Капица, Райкин, Эйфельман, Шнитке. Многие из них не только современники, друзья Жутовского. Но есть среди персонажей и портреты палачей из НКВД. Сегодня галерею составляют около двух сотен работ. К каждой художник пишет небольшой рассказ для книги, которую Жутовский сейчас собирает для печати.

— Итак, вы согласились со Слуцким...

— Нарисовать своих современников — далеко не новая идея. Это делали Дюрер, Ван Дейк, Анненков. В конце концов как бы я ни относился к Шилову, но тем не менее он даже музей открыл из своих портретов современников. Хорошие они или плохие — не важно. Я рисую портреты с начала семидесятых годов. Идею подсказал Слуцкий, с него я и начал эту игру, неожиданно ставшую в то глухое время одной из форм спокойной, ясной, деловой конфронтации к происходящему в стране, — герои были не герои, власть не власть, интеллигенция не интеллигенция, почтенность не почтенность и так далее. В 90-м году, когда я делал портрет Фазила Искандера, он и придумал название этой тогда уже многочисленной серии рисунков — "Последние люди империи". Но, думаю, моя будущая книга будет называться "Мои современники". Мне кажется теперь, что это лучший вариант — более широкое, более спокойное и менее претенциозное название. Ведь у меня есть масса портретов иностранцев, которые не могут быть последними людьми империи, но они мои современники, с ними я дружу, встречаюсь.

— Я понимаю желание сделать портрет друга или кумира, но вы запечатлевали и лица одиозных личностей, убийц — Судоплатова, Райхмана...

— Они мои современники. Я с ними жил. Мне интересно. Я ведь не делаю галерею поэтов или кривоворотных. Или галерею красивых и значительных мужчин. Я не хочу рисовать только знаменитостей или только крупных политических деятелей. Хотя очень хотел бы нарисовать Горбачева, к которому у меня определенное отношение и оценка, почтенная вполне. Есть портрет нового русского. Тридцатилетний малый. Совершенно паразитический парень, который на свои деньги издал книжку Данина, а

сейчас издает семитомник Бродского. Шутка ли?!

— Как-то вы сказали, что сладостные для вас занятия рисунком и историей сошлись в этом портретном ареале. Каковы были ваши первые соприкосновения с историей?

— Я очень дружил по юности с историками. В 52-м году поехал работать в Каракумы. Там тогда проводили Сталинский канал, и на территории будущего канала работала большая археологическая экспедиция. Это было безумно любопытно. Пожалуйста, кладут тебе на стол второй век до нашей эры. Керамика, таблички. Там была крепость, а в центре возвышение с захоронением. Мы разрыли четыре урны. Перед каждой лежал череп со скрещенной костью предплечий, а перед одной — рядом с черепом — кость предплечья и — протез (стальной железный прут, вылепленный гипсом). Потом сошлись с Тоником Эйфельманом, много книг его проиллюстрировал. Я был одним из организаторов и членом редколлегии литературно-исторического альманаха "Прометей". Это тоже все история. Так что я с ней давно живу и люблю это ощущение. Что касается рисования, то я, например, все время думал: чем мой портрет отличается, скажем, от портрета Ван Дейка. В общем-то лица человеческие. Ну, конечно, модой — усы, борода. Хотя у меня тоже есть усы. Одеждой? Я не рисую одежды. Вероятно, отличие в самом характере рисования, в смелости деформации, в отношении к форме. Тот же Анненков раскладывал лица на какие-то квадраты, и на этом лежала печать его времени. Я же хочу бумагу заставить быть формой. Вы посмотрите на это и наверняка скажете, что это рисование все-таки середины XX века. Плюс текст, который я пишу к портрету. Они существуют параллельно — текст отдельно и изображение отдельно, как бы про то же, но два разных потока. Хотя про некоторых я могу сказать три-четыре фразы.

— Почему так скупо?

— Ну, я увидел человека, мы познакомились, и я ему говорю, что приходи, старый, я тебя нарисую. Морда мне его понравилась. Я знаю, что у него две любовницы, три попугая, пишет стихи, бывший физик, живет в Париже — все. Я его больше никогда не видел.

— Бывает ли у вас несколько вариантов одного и того же портрета?

— Бывает, конечно. Некоторых людей я рисовал по несколько раз. Того же Бориса Абрамовича Слуцкого я нарисовал трижды. Сделал

первый портрет. Он посмотрел и говорит: "Бобочка, что-то я здесь на Африку похож". Потом предложил нарисовать его для собрания сочинений. Третий его портрет не понравился ни мне, ни ему. Он так и лежал. Позже Борис Абрамович заболел и умер. Когда я увидел его больным, он как две капли воды был похож на третий свой портрет. Происходят какие-то странные, мистические вещи, хотя я не мистик. Это просто совпадения, но совпадения пугающие.

— Часто ли так случалось, что вы закончили портрет, взглянули на него и поразились тому, что в человеке через его лицо проступили какие-то скрытые доселе черты?

— Это надо спрашивать людей, которых я портретировал. Хотя мне многие говорили, что я выкопываю из них такое, о чем они сами не знали и чего иногда побаивались. А иногда удивлялись или радовались. Говорят, что я рисую портрет, который старше их. Я у Рафаэля занял ответ. Ему Медичи как-то сказал: что-то я не очень похож, Рафаэль. Художник ему ответил: через двести лет будешь похож. Так что что-то происходит, конечно.

— Вы оформили гору книг, а теперь вот выходит ваша собственная. Сбылась давняя сокровенная мечта?

— Это работа. Создать книгу, проиллюстрировать ее — серьезное ремесло. В наше время оно немного подзабыто из-за засилья шлагерного ширпотреба. Но, думаю, не надолго. Я и сейчас встречаю хорошие книги. Свобода в рисовании, которую мы сейчас видим, никакой Детгиз бы не позволял в те времена. Были свои жесткие рисовальные каноны. Отчего ведь все и возникло и мои портреты тоже — все оттуда, от времени невозможностей. Оно и меня тоже формировало. При этом отнимало бездну сил зарабатыванием денег при помощи оформления книг. Я своих картин, портретов сделал гораздо меньше, чем мог бы сделать. Но это время давало опрокинуться в те же портреты всерьез, считая это достойным и важным — что и оказалось в конце концов. А будь я в те времена совершенно свободен, имел возможность продавать свои картинки, выставляться и на этом зарабатывать деньги, то портретов могло бы и не быть. Но вообще это занятие пустое — разговаривать по поводу истории в духе "что было бы, если бы". Это не предмет истории.